

II

ДВОЙНИК

Явственно донесшийся до молодого человека разговор из соседней комнаты, отделенной от будуара, видимо, лишь тонкою перегородкою, вывел его из оцепенения.

— Катя, он еще там?

— Да, Калисфения Николаевна, вот уже с час как он ждет, хорошо еще, что я затопила камин.

— Я не виновата... Меня задержали в театре... Как нарочно, явились на поклон... и я уехала почти последняя... А знаешь, с моей стороны эта ужасная смелость... Что, если узнает князь...

Молодой человек инстинктивно посмотрел на портрет.

— Но он такой прелестный, и к тому же еще никого я так страстно не любила... Вот мое единственное извинение...— продолжал голос.

«Неужели я так прелестен?» — самодовольно подумал молодой офицер.

— Послушай, Катя, мне надоело ждать... Убери здесь все, я переоденусь сама, и приведи его сюда.

Он мигом вскочил. Сердце его сильно билось.

Нельзя не сознаться, что положение его было, действительно, довольно щекотливое.

Он сделал шаг к дверям, из-за которых слышались голоса.

Они отворились. На их пороге показалась Катя и, посторонившись, пропустила молодого человека.

Он храбро вошел в другую комнату.

В изящном кабинете, отделанном точно так же в греческом вкусе, перед туалетом, на котором стояло зеркало, поддерживаемое двумя бронзовыми лебедями с золочеными головками, сидела прелестная незнакомка и снимала с головы какой-то убор.

Заметив отражение вошедшего в зеркале, она вскочила и бросилась к нему с ловкостью газели.

Он почувствовал страстные, благоухающие объятия, кровь бросилась ему в голову; потом вдруг, порывистым, нервным,

неожиданным, необъяснимым движением, он был отброшен, чуть не опрокинут,— отброшен этою прелестною женщиною, которой знойное дыхание он еще чувствовал на своем лице.

— Боже мой! — воскликнула она с неподдельным выражением удивления и ужаса и упала навзничь на стоявший вблизи диван.

На крик своей барышни в кабинет вбежала Катя и, ничего не понимая в происшедшем, с недоумением глядела на обоих, как бы спрашивая, что это значит?

— Боже мой! — вскричала она в свою очередь.

— Но что все это значит? — воскликнул наконец, придя в себя, молодой человек, задыхаясь от волнения.

— Я... я ничего не могу сказать... Но, наверное, это не вы.

— Как это... не я?

— Вам лучше знать...

— Знать! Да ведь тут легко сойти с ума.

Что это, комедия или мистификация?

В эту минуту прелестная хозяйка сделала жест горничной, и та поспешила к ней.

Обе женщины с минуту разговаривали шепотом.

— Ради бога,— обратилась Катя к молодому офицеру,— войдите туда.

Она указала ему рукой на дверь будуара.

Потерянный, ошеломленный всем, что случилось с ним в этот вечер, он машинально повиновался и вошел в будуар.

За ним послышался звук запираемого замка.

Совершенно уничтоженный, молодой человек упал на кушетку.

Прошло несколько минут, и он не успел еще привести в порядок своих мыслей, выделить их из того хаоса, в который они были погружены и придать им некоторую стройность, последовательность и определенность, как в кабинете снова заговорили, вероятно не подозревая, что перегородка была чересчур тонка.

— Какое ужасное приключение! Как я несчастна! Какое необычайное сходство... Что делать? Я теряю голову! Как выпроводить его отсюда... Теперь уже ночь...— говорила барыня.

— Успокойтесь, Калисфения Николаевна, я сейчас поговорю с ним... И что же, что теперь ночь... Он не маленький... офицер,— отвечала горничная.

— Подожди... не лучше ли написать ему несколько извинительных слов... Ведь он, кажется, молод, в нем должна быть известная доля деликатности; он не захочет с досады погубить меня, да и к тому же, на самом деле, издали можно было ошибиться...

— Еще бы, я первая попалась бы впросак; но все равно,— издали или вблизи, это совсем не одно и то же...

— Увы! Я сама очень хорошо вижу! А этот! Где же он и что он думает!

«Итак, это была ошибка!» — с отчаянием подумал молодой человек и вскочил с кушетки.

Взгляд его упал на портрет светлейшего.

Он, казалось ему, насмешливо улыбался.

Вошла Катя, держа в руках записку. Она была написана наскоро, без подписи и заключала в себе следующее:

«Простите ли вы меня за ночное путешествие, которая я совершенно невольно заставила вас совершить, и за то, которое вам еще предстоит? Ваше сходство с одним из моих родственников, который должен был сегодня приехать ко мне, сделало все это. Мое непростительное легкомыслие довершило остальное. Умоляю вас, забудьте все, но особенно не сердитесь на меня за неприятность, которую я вам сделала. Клянусь вам, что для меня это гораздо хуже, нежели для вас, и вы должны мне поверить».

— Я сейчас выпущу вас, только достану ключ! — сказала Катя и вышла.

Молодой человек хотел отвечать на прочтенную записку несколькими словами, исполненными чувства оскорбленного достоинства, и начал искать перо и чернила на письменном столе. Вдруг ему попался под руку небольшой бархатный футляр.

Инстинктивно он открыл его.

В нем оказался портрет-миниатюра.

Молодой человек остолбенел. Это был его собственный портрет, или же портрет его двойника.

На нем был изображен гвардейский офицер, черты которого были странным образом поразительно похожи на его собственные, в чем он мог как нельзя лучше удостовериться, приблизившись к большому зеркалу.

Тот же овал, те же линии, но с некоторыми оттенками, которые,

впрочем, было весьма трудно заметить.

Он в недоумении положил портрет обратно и беспомощно обвел глазами будуар.

Взгляд его снова остановился на портрете светлейшего князя Таврического.

Ему снова показалось, что этот всеильный красавец насмешливо улыбается углами своего надменного рта.

— Пожалуйста! — вывела из столбняка молодого человека вошедшая с ключом Катя.

Он машинально последовал за нею.

Насмешливый взгляд Потемкина, казалось, провожал его, он чувствовал его на себе.

Катя вывела его из подъезда и проводила до калитки, которую и заперла за ним.

Молодой человек очутился один среди темного и пустынного переулка.

Он на минуту остановился, как бы для того, чтобы собраться с мыслями, затем твердою походкою пошел по деревянным доскам, заменяющим тротуар.

Он решил идти наугад, так как совершенно не знал ни местности, где он находится, да, впрочем, и это знание мало бы помогло ему, так как уже известно читателям, он был в Петербурге первый день.

«Будь что будет! Я поброжу по улицам до утра, а там спрошу дорогу в город, на Ямскую...» — думал он.

Не успел он сделать, однако, и двадцати шагов, как двое людей загородили ему дорогу и перед ним выросла какая-то черная масса, оказавшаяся каретой, запряженной четверкой.

— Князь Святозаров, именем светлейшего князя Григория Александровича, прошу вас следовать за мной! — сказал грудной приятный голос.

— Князь Святозаров! Вы ошиблись, господа! — сказал молодой человек, придя в себя от неожиданной встречи.

— Ваши уловки не помогут... Нам известно, что вы князь Святозаров и его светлость требуют вас к себе...

— Повторяю, господа, вы ошибаетесь, моя фамилия Петровский Владимир Андреевич... — возразил было молодой человек.

— Повторяю, что мы осведомлены лучше вас... Не заставляйте,

господин офицер, совершать над вами насилие офицеру при исполнении им служебных обязанностей, прошу вас безоговорочно садиться в карету.

Один из стоявших перед ним вынул из-под полы шинели потайной фонарь и осветил его и себя.

Наш ночной путешественник действительно увидел перед собою человека в военной форме, жестом приглашавшего его в открытую дверцу кареты, у которой стоял ливрейный лакей.

— Именем светлейшего князя Григория Александровича прошу вас, ваше сиятельство.

Молодой человек послушно взобрался на подножку и скорее упал, нежели сел в угол кареты. За ним вошел его спутник и уселся рядом.

Подножку подняли, дверца захлопнулась, и карета покатила по рыхлой, немощеной улице.

Несчастный молодой человек некоторое время сидел с закрытыми глазами, без дум, без мыслей.

Приключение первого вечера в столице сбило его окончательно с толку.

Экипаж выехал на замощенные улицы, и шум колес о камни вывел его из оцепенения. Не открывая глаз, он начал соображать.

Кто этот князь Святозаров, за которого его принимают?

Не тот ли, который изображен там на миниатюре, сходство с которым заставило его совершить это ночное путешествие на окраину города, пережить столько сладостных надежд и такое горькое разочарование.

За этим князем Святозаровым следят по приказанию светлейшего князя Григория Александровича Потемкина, портрет которого красуется на видном месте в этом волшебном будуаре-спальне.

В этом должна быть несомненная связь.

Мысли молодого человека перенеслись на князя Потемкина, которого он видел лишь издали, но который играл, несомненно, какую-то роль в его судьбе.

Владимир Андреевич припомнил свое детство в Смоленске, в доме родственников светлейшего. Он был воспитанником-приемышем. Кто были его родители — он не знал. Затем он был отправлен в Москву в университетскую гимназию, откуда вышел в военную службу в один из армейских полков и прямо отправился на театр войны с Турцией.

Неожиданно, с месяц, с два тому назад, он был отозван из своего полка и переведен в гвардию с командировкою в Петербург, в распоряжение светлейшего князя, генерал-фельдмаршала.

Что могло все это значить?

Эти вопросы жгли мозг молодого человека, но, увы, оставались без ответа.

Вдруг карета остановилась.

Владимир Андреевич открыл глаза и, несмотря на темноту, различил из окна кареты величественное здание Таврического дворца.

III

В ТАВРИЧЕСКОМ ДВОРЦЕ

Таврический дворец, один из многочисленных памятников блестящего царствования Екатерины II, до сих пор почти в неизменном виде сохранившийся на Воскресенском проспекте, с тем же обширным садом, прудами, островками, каскадами и беседками, два раза во время жизни светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического находился в его владении.

Первоначально оно было построено князем в виде небольшого домика, но после присоединения Крыма, по приказанию императрицы, архитектор Старов на месте прежнего дома построил роскошный дворец, наподобие Пантеона.

Императрица назвала его Таврическим и подарила великолепному «князю Тавриды», как называли тогда не только в России, но и в Европе, увенчанного лаврами военных побед Потемкина.

Главное здание дворца было вышиной около шести сажений, с высоким куполом и перистилем из шести колонн, поддерживающих фронтон.

К обеим сторонам дворца пристроены флигеля, выведенные до самой улицы. Обширная площадь перед дворцом ограждена невысокою чугунною решеткою.

Внутреннее расположение дворца, вместе с пространством между обоими флигелями, представляет одну огромную залу, в середине освещенную окном, сделанным в куполе; два ряда колонн придают зале необыкновенно величественный вид.

В одной стороне залы расставлены мраморные статуи, на другой стороне зимний сад.

Вскоре, однако, князь Потемкин продал этот дворец императрице Екатерине II за 460 тысяч рублей.

Незадолго до начала нашего рассказа, а именно в феврале 1791 года, императрица снова подарила этот дворец князю Григорию Александровичу, в числе многочисленных милостей и наград, которыми она осыпала его, прибывшего из Ясс с новыми победными лаврами.

В тот самый день и час, когда знакомый уже нам Владимир Андреевич Петровский, только что прибывший в Петербург и явившийся к светлейшему, но не допущенный к нему и получивший через адъютанта милостивое «пусть погуляет», начал в Петербурге так печально окончившиеся столичные похождения, сам Григорий Александрович готовился к выезду во дворец.

Высокий, пожилой — Потемкину в то время перевалило за пятьдесят — широкоплечий богатырь, в ярком мундире, обшитом сплошь золотым шитьем, с широкой грудью, покрытой рядом звезд и крестов, русских и иноземных, он уже вышел из кабинета.

Всякий, выдавший светлейшего в первый раз, невольно преклонялся перед этим совершенством человеческой телесной красоты: продолговатое, красивое, белое лицо, правильный нос, высоко очерченные брови и голубые глаза, небольшой рот с приятной улыбкой и круглый подбородок с ямочкой.

Левый окривевший глаз был неподвижен и являлся резким контрастом с правым, полным жизни, светлым, зорким и несколько рассеянным.

Князь окривел в начале своей придворной карьеры, по милости тогдашнего всезнайки фельдшера Академии художеств Ерофеича, изобретателя известной настойки, приложившего к больному глазу Григория Александровича какую-то примочку.

На князя потеря глаза до того сильно подействовала, что он удалился в Невскую лавру, отпустил бороду, надел рясу и стал готовиться к поступлению в монашество.

Его спасли прозорливость и доброта императрицы.

Она сама лично навестила его и уговорила возвратиться в мир:

«Тебе не архиереем быть, их у меня довольно, а Потемкин один, и ждет его иная стезя».

Предсказание монархини сбылось.

Светлейший шел уже к парадной лестнице своей неуклюжей, перевалистой походкой, простой, не сановитой и не деланой, производившей особое впечатление.

«Весь залитый золотом да орденами и регалиями; в камнях самоцветных и алмазах, и так шагает по-медвежьему»,— говорили современники.

Ряды придворных светлейшего блестящей живой изгородью

тянулись от зала до подъезда.

Князя сопровождал его приближенный секретарь, Василий Степанович Попов.

Это был подвижный человек, лет сорока семи, среднего роста, с добродушно-хитрым татарским выражением лица. Уроженец Казани, он учился в тамошней гимназии и начал службу в канцелярии графа Панина в первую турецкую войну, перешел потом к московскому главнокомандующему князю Долгорукову-Крымскому, который назначил его правителем своей канцелярии и выхлопотал чин премьер-майора.

После смерти Долгорукова, Попов, успевший сделаться известным Потемкину, как способный, трудолюбивый и деятельный чиновник, был взят им в правители своей канцелярии и скоро снискал неограниченное доверие князя.

Ко времени нашего рассказа он уже был генерал-майором орденов до Владимира I степени включительно.

Ряд придворных почтительно преклонялся перед шедшим властелином, который был, видимо, в самом лучшем настроении духа, но все с недоумением смотрели на голову вельможи.

Голова эта была светло-русая, в природных завитках, без пудры, которая считалась необходимой при дворе.

Этим-то и объяснялось недоумение окружающих.

Никто не решился, однако, заметить об этом светлейшему.

Один из стоявших адъютантов князя шепнул на ходу об этом Попову.

— Ваша светлость,— обратился к нему Василий Степанович, ранее не обративший внимания на несовершенство туалета светлейшего,— ваша светлость! На вас чего-то недостает.

Потемкин быстро взглянул в зеркало и отвечал:

— Правда твоя, недостает «шапки»!

Сказав это, князь уже при входе в подъезд, вдруг круто повернул обратно и среди недоумевающих придворных вернулся в свой кабинет.

Вид его был мрачен, добродушно-веселая улыбка бесследно пропала с его красивых губ.

Князь захандрил.

Войдя в кабинет, он грузно опустился в кресло. Василий Степанович и несколько адъютантов вошли следом за ним и стали в почтительном

отдалении.

У всех на уме было одно: «Начинается!»

Действительно, начиналось.

Начинались дни, иногда даже недели, когда князь запирался в свою комнату и ложился на диван, небритый, немытый, растрепанный, сгорбленный, в поношенном халате и в утренних туфлях на босу ногу.

Сам князь чувствовал приближение этих дней. Достаточно было малейшей незначительной причины, чтобы ускорить их приближение.

«Подступает! Идет!» — говорил он сам себе, еще будучи на ногах и в сравнительно хорошем настроении духа.

«Пришло! Захватило!» — решал он мрачно, уже лежа на диване.

Болезни этой не понимали не только окружающие светлейшего, но и он сам. Завистники объясняли ее придворными неудачами самолюбивого вельможи или, попросту, народным определением «с жиру бесится».

Но это была, очевидно, болезнь сильная, давнишняя, с юных лет. Это была болезнь душевная, а не телесная.

К ней, впрочем, примешивались иногда недомогания и слабость. Болезнь эта являлась, как лихорадка, периодически и держала больного иногда три, четыре дня, иногда более недели.

Припадки бывали то сильные, то слабые.

— Кофею! — приказал князь.

Адъютант князя Баур бросился отдать приказание метрдотелю.

Баур был любимый адъютант князя, которому он давал серьезные и щекотливые поручения.

В 1788 году во Франции разгорелась революция.

Светлейший, зорко следивший из своего очаковского лагеря за ходом европейской политики, нашел необходимым, ввиду предстоящих событий, достать из французского министерства иностранных дел некоторые важные бумаги, касающиеся России.

Он призвал Баура и велел ему взять подорожную и скакать в Париж за модными башмаками для Прасковьи Андреевны Потемкиной, жены его двоюродного брата, впоследствии графа, Павла Сергеевича.

Весть об этом облетела весь лагерь и возбудила толки и пересуды.

«Вот причудник! В Сибирь посылает за огурцами, в Калугу — за тестом, в Париж — за башмаками!» — толковали в офицерских землянках.

Григорий Александрович между тем сунул в дорожную сумку Баура пакет на имя одного из парижских банкиров и несколько секретных писем к кое-кому в Париже, обнял его и отпустил шутя и смеясь.

По приезде в Париж Баур вручил пакет и письма по адресам, а сам пустился по всем модным лавкам заказывать башмаки «pour madame Potemkin».

Князь знал, кого куда посылать и кому что поручать.

На другой день весь Париж толковал уже о странной фантазии русского вельможи — прислать своего адъютанта в столицу Франции за парой башмаков.

По этому поводу был даже сочинен и поставлен на сцене водевиль.

Но в то время, когда парижане занимались разговорами о чудачествах князя, банкир отсчитал одной даме шестьдесят тысяч червонцев за то, чтобы она выкрала из бюро страстно влюбленного в нее министра «известные бумаги».

Золото сделало свое дело — бумаги очутились в руках Баура, а золото у корыстолюбивой сильфиды.

Первый достал модные башмаки, положил в карман бумаги и исчез из Парижа.

Обожатель сильфиды хватился пропажи, но было поздно — она была уже в руках Потемкина.

Таков был адъютант Баур, красивый мужчина, блондин, лет тридцати с небольшим.

— Что же кофею! — с нетерпением повторил князь.

Все присутствовавшие по очереди спешили распорядиться о скорейшем удовлетворении желания светлейшего.

— Когда же кофе? — мрачно продолжал повторять Потемкин.

Наконец, дымящийся душистый напиток в большой чашке севрского фарфора, на золотом подносе, был принесен и поставлен перед Григорием Александровичем.

Последний до него не дотронулся. Он сердито отодвинул поднос и встал.

— Не надобно! Я только хотел чего-нибудь ожидать, но и тут меня лишили этого удовольствия.

И князь, низко опустив голову, удалился в смежную с кабинетом комнату, служившую ему уборной, — разоблачаться.

«Начинается!» — снова мелькнуло в умах присутствующих.

Все на цыпочках вышли из кабинета и разбрелись по обширным апартаментам дворца.

IV

КНЯЗЬ ХАНДРИТ

Князь захандрил.

Все во дворце затихло, как бы замерло.

Все ходило неслышной походкой, говорило шепотом, несмотря на то, что светлейший находился в самой отдаленной комнате дворца.

В комнате этой, обитой серым ситцем, на огромной софе лежит неподвижно этот «баловень счастья» и смотрит в одну точку. Одет он в атласный фиолетового цвета халат, с расстегнутым на груди воротом рубашки. Золотой крестик с двумя образками и ладанкой на шелковом шнурке выбился наружу и лежит поверх халата. Одна шитая золотом туфля лежит у босых ног на софе, а другая валяется на полу.

Князь лежит неподвижно, лишь по временам тяжело вздыхает и ворчит себе под нос.

Из отрывистых фраз можно было заключить об исходной точке этого состояния светлейшего.

— Что желал, к чему стремился — все есть...

— Исполнены все малейшие помыслы, прихоти... Чинов хотел, орденов — имею... денег... есть... Деревни... дома... есть... Драгоценности... целые сундуки... Пиры, праздники... давал и даю... Все планы... все страсти... все исполнилось... а счастья... счастья... нет... Все удачи не покроют... не залечат раны первой неудачи... Не залечат... никогда... никогда... — бормотал князь.

Тяжелые вздохи несчастного счастливец оглашали комнату.

В комнату, где лежал князь, имели доступ только самые близкие люди и благоприятели светлейшего, а из служащих — один Василий Степанович, навещавший по временам князя и зорко следивший за столом, на котором лежали бумаги, карандаш, прутик серебра, маленькая пилка и коробочка с драгоценными камнями разного цвета и вида.

Когда князь о чем-нибудь размышлял, то, чтобы не отвлекаться и сосредоточить свои мысли на известном предмете, он брал в руки два драгоценных камня и тер их один об другой, или же обтачивал

пилочкой серебро, или, наконец, раскладывал камни разными фигурами и любовался их игрою и блеском.

Что в это время созревало в его уме, он тотчас же записывал на приготовленной бумаге и потом, отворив дверь, звал Попова и отдавал приказания.

Такая бумага с карандашом, коробочка с драгоценными камнями, серебряный прут и пилочка лежали на письменном столе кабинета светлейшего.

Бумага и карандаш клались и на игральный стол в то время, когда князь играл в карты, так как Потемкин и в этом занятии не оставался праздным, и часто прерывая игру, записывал то, что приходило ему в голову. Во время игры в комнату несколько раз входил Попов, становился за стулом князя и как только замечал, что бумага отодвинута, тотчас брал и спешил привести в исполнение написанное.

Впрочем, во время припадков князь редко брал в руки лежавший на столе карандаш, а если это случалось, то было уже верным признаком выздоровления.

В описываемый нами день до позднего вечера бумага была нетронута.

Князь продолжал лежать неподвижно. Даже принесенные кушанья убирались назад нетронутыми.

Припадок княжеской хандры был, видимо, сильнее обыкновенного.

Понятно, что отсутствие пудры на голове, видимая причина начала припадка, была только той каплей, которая переполнила сосуд. Начало непонятных припадков нелюдимости, доходившей до болезненного состояния, надо искать в более отдаленном от описываемого нами времени жизни Григория Александровича Потемкина.

Недаром он часто повторял непонятную ни для кого даже из близких ему людей фразу:

— Все удачи не покروют... не залечат ран первой неудачи... Не залечат... никогда... никогда...

Был первый час ночи, когда Василий Степанович, во время припадков хандры светлейшего проводивший ночи почти без сна и не раздеваясь, вышел из кабинета князя.

Навстречу ему быстро шел Баур.

— Наконец я его накрыл... — с нескрываемой радостью начал он. — Что светлейший?

— Лежит... Но кого же вы накрыли?..

— Князя Святозарова.

Попов отступил и удивленно окинул взглядом говорившего.

— Вы знаете?

— Что?

— Он умер.

— Кто?

— Князь Василий Андреевич Святозаров.

— Он здесь, живехонек... и здоровехонек.

— Послушайте... это что-нибудь да не так; не далее как несколько часов тому назад я получил официальное донесение о смерти князя, убитого на дуэли, в доме его родителей... Княгиня Зинаида Сергеевна была здесь не более как с час времени, желала видеть светлейшего и просить как-нибудь затушить это дело... Она приехала прямо от только что охладевшего трупа сына, горе ее не поддается описанию...

Баур, в свою очередь, отступив шага на два назад, во все глаза удивленно смотрел на Попова.

— Кого же я привез?.. Я взял его там...

— Где?

— На Васильевском.

— А!

— Он вышел от нее, приехав к ней из театра... Я видел его в театре и не мог ошибиться... Это он... Исполняя поручение светлейшего, я привез его прямо сюда... Вы разве не знаете, что светлейший пригрозил ему, что если он еще раз будет у ней, он его на ней женит, а мне поручил следить за ним... Молодой князь, казалось, образумился и, боясь исполнения угрозы, оборвал связь... Но сегодня, видимо, не выдержал и, получив от нее записку, помчался... а я за ним... Прождал я, пока они там амурились, и захватил его... при выходе...

— Поздравляю... значит, вы поймали не того... это, конечно, вам делает честь, потому что мертвого привезти было легче,— улыбаясь заметил Попов.

— Повторяю вам, я ошибиться не мог...

— Однако ошиблись... Не могла же ошибиться мать, приехавшая прямо от трупа своего единственного сына...

— Позвольте... Он тоже уверял меня, что я ошибаюсь, и называл себя Петровским...

— Теперь я понимаю... Вы правы... Он на самом деле поразительно похож на Святозарова... Я видел его сегодня утром, когда он явился к светлейшему.

— Вот так дела! — развел руками Баур.

— Да дружище... На всякую старуху бывает проруха... Это не парижские башмаки... Тут сам черт не разберет, как перепутано... Светлейший, видимо, покровительствует этому Петровскому, и это покровительство имеет какое-то отношение к княгине Святозаровой...

— Откуда вы это знаете?

— Знать не знаю ниоткуда, а догадываюсь, глаз у меня наметан стал на службе у его светлости...

— Что же теперь делать... Надо все же доложить князю...

— Об этом нечего и думать... Я было доложил ему о смерти князя Святозарова, так и сам не рад был.

— Чего?

— Да понес такую околесину, что хоть святых выноси... О небесном возмездии, геенне огненной... О своем навсегда разрушенном счастье, да и об этом Петровском, кстати.

— Вот оно что!

— Вскочил на софе и присел даже, как я ему сказал, потом снова лег, лицом к стене отвернулся и точно умер... Четвертый раз после этого к нему вхожу — не шелохнется.

— Как же быть?

— Ах, Баур, Баур, точно это вам в первый раз... надо выждать... А арестанта вашего, за беспокойство, угостите-ка ужином, я сам не прочь закусить; обедал наскоро, как всегда, когда беда эта стряется со светлейшим...

— Хорошая мысль, Василий Степанович, прекрасная мысль... Может быть, вино развяжет этому Петровскому язык, и мы узнаем что-нибудь интересное... Пойдемте.

— Да вы куда его упрятали?

— Уж и упрятал... У меня в комнатах... Как гость, честь честью...

— То-то... а то не ровен час... нам самим головы свернет...

— Вы что-то нынче, Василий Степанович, все загадки задаете...

— Да разве наша с вами здесь жизнь — не сплошная загадка?

— Пожалуй, и правда, — тряхнул Баур своей белокурой головой.

Они оба отправились в помещение Баура, жившего в Таврическом

дворце.

Владимир Андреевич Петровский задумчиво сидел в кресле кабинета любимого адъютанта светлейшего и, казалось, не переменял позы с момента ухода последнего с докладом о нем князю.

«Вот тебе и карьера, вот тебе и мечты о покровительстве всесильного, о придворной жизни, красавицах...— думал совершенно упавший духом молодой человек.— Красавицы! — Он вспомнил коварную брюнетку и ее жгучий поцелуй.— Попутал бес, в какую попался кашу; может, всю жизнь придется расхлебывать...» — пронеслось у него в голове.

Он чутко прислушивался к царившей во дворце тишине. Малейший шорох заставлял его нервно вздрагивать.

— Что повесил голову, камрад,— дружески ласковым тоном заговорил последний.— И впрямь подумал, что его привезли под гнев светлейшего... На посещение красоток вечерней порой у нас его светлость не гневается: сам грешит и людям прощает...

Петровский встал и с нескрываемым удивлением смотрел на Баура и слушал совершенно изменившийся тон его голоса.

Баур, нимало не смущенный, представил его Попову.

— Однако у меня от этой отдаленной прогулки разыгрался аппетит, я чаю и вы тоже проголодались? — обратился он к Владимиру Андреевичу.— Ужин теперь будет очень кстати.

Он вышел распорядиться.

Петровский и Попов остались одни.

Последний заговорил о Петербурге, спрашивал о впечатлении, произведенном им на молодого человека, и, между прочим, заметил:

— Светлейший-то завтра приказал вам явиться, но едва ли представление состоится — он заболел...

— Опасно? — с тревогой в голосе спросил Владимир Андреевич.

— Нет, но надо будет переждать несколько дней...

— Идемте, закусим чем Бог послал! — сказал вошедший Баур.— Чем богат, тем и рад!

Все трое перешли в соседнюю комнату, в которой был сервирован роскошный и обильный ужин «потемкинской» кухни.

Невольный гость отдал должную честь яствам и питьям, но надежды Баура не оправдались — он оказался очень сдержанным на язык.

За ужином решено было, что он останется у Баура, а завтра пошлют

за его пожитками на постоянный двор на Ямскую.

«Не знаешь, где найдешь, где потеряешь!» — подумал Баур, выслушав согласие Петровского поселиться у него.

Светлейший продолжал лежать на софе, обернувшись лицом к стене, неподвижно смотря в одну точку на замысловатый рисунок ситца, которым были обиты стены.

Он был буквально поражен смертью молодого князя Святозарова и посещением княгини.

Перед ним неслись одно за другим воспоминания юности.

V

ЮНОСТЬ ПОТЕМКИНА

Григорий Александрович Потемкин, впоследствии светлейший князь Таврический, был сын небогатого дворянина, отставного майора Александра Васильевича Потемкина.

Он родился в сентябре месяце 1739 года, в имении своего отца, сельце Чижево, около Смоленска.

До двенадцатого года он воспитывался в родительском доме, а затем был отдан в смоленскую семинарию, так как в Смоленске в то время не было светских учебных заведений.

В 1755 году открылся Московский университет, и мать Потемкина (отец его умер в 1746 году) определила сына в учрежденную при нем дворянскую гимназию, записав его вместе с тем в лейб-гвардии конный полк рейтаром.

Молодой Потемкин с самых ранних лет отличался необыкновенною памятью, быстротою ума и чрезвычайным честолюбием, которое обнаруживалось во всех его поступках.

— Хочу быть архиереем или министром! — говорил он еще в бытность свою в семинарии.

В первое время по поступлении в гимназию Потемкин занимался очень прилежно, так что на другой же год получил за успехи в науках золотую медаль.

В 1757 году директор университета Мелиссино отправился в Петербург по делам службы и взял с собою, для представления куратору И. И. Шувалову, лучших студентов и учеников гимназии.

В числе последних находился и Потемкин.

Все они через несколько дней по приезде были потребованы во дворец.

Императрица Елизавета обошлась с учениками весьма милостиво и, по ходатайству Шувалова, «для лучшего одобрения и поощрения учащегося юношества», пожаловала их чинами, с оставлением до окончания курса в университете.

Потемкин возвратился в Москву с чином капрала и снова отдался

своим любимым занятиям, то есть книгам.

Он читал их без разбора, всегда лежа в постели.

Один из его товарищей, Матвей Иванович Афонин, впоследствии ординарный профессор Московского университета, купил на последние свои деньги исключительно для Потемкина только что вышедшую тогда в свет и наделавшую много шума «Натуральную Историю Бюффона».

Григорий Александрович взял книгу и так быстро пробежал все сочинение, что казалось, только перелистал ее.

Афонин, оскорбленный таким невниманием, не скрыл от любимого товарища своего неудовольствия, но был чрезвычайно удивлен, когда последний подробно передал ему содержание книги и доказал, что познакомился с сочинением весьма основательно.

Другой приятель Потемкина, Ермил Иванович Костров, впоследствии небезызвестный поэт и переводчик Илиады, дал ему с десяток томов самого разнообразного содержания.

Григорий Александрович возвратил ему их через несколько дней.

— Да ты, брат, видимо, только полистал страницы в моих книгах,— заметил удивленный Костров,— на почтовых хорошо лететь по дороге, а книга не почтовая езда.

— Пусть будет по-твоему,— ответил Потемкин,— что я летел на почтовых. А все-таки я прочитал твои книги от доски до доски; если не веришь, то изволь, профессорствуй; взбирайся на стул вместо кафедры, раскрой любую из своих книг и спрашивай громогласно, а я отвечу без запинки.

Оказалось на самом деле, что Потемкин не только прочел книги, но вник в каждое сочинение и твердо удержал в памяти прочитанное.

Он пересказал приятелю все как заданный урок. Близость с Афониным, Костровым и особенно с поэтом Василием Петровичем Петровым, впоследствии переводчиком Вергилиевой «Энеиды» и «Потерянного рая» Мильтона, имела большое влияние на развитие будущего государственного человека.

Особенно в благотворном смысле повлиял на Потемкина Петров.

Страстно любя греческую и латинскую словесность, Василий Петрович занимался ими с молодым своим приятелем, учил его языку Гомера и переводил вместе с ним «Илиаду».

В Григории Александровиче он нашел внимательного и любящего предмет ученика.

Таков был юноша Потемкин.

Прошло пять лет.

Григорию Александровичу шел двадцать первый год.

Начальство гимназии считало его украшением заведения и возлагало на него блестящие надежды, как вдруг он внезапно охладил к ученью, перестал являться в классы и начал усердно посещать монастыри, где проводил время в беседах с монахами о религиозных предметах.

Университетское начальство, употребив безуспешно все исправительные меры, вследствие представлений инспектора гимназии профессора Антона Алексеевича Барсова, выключило Потемкина из гимназии «за леность и нехождение в классы».

Причиной, произведшей роковой поворот во внутреннем мире молодого человека, была, как и всегда, женщина.

Григорий Александрович влюбился, влюбился безумно и даже, увы, не безнадежно.

Безнадежная любовь находит противоядие в самолюбии, но для любви разделенной и остающейся лишь в форме неосуществимой мечты, противоядия нет.

Такова была любовь и молодого Потемкина.

Между ним и любимой им девушкой легла пропасть, и рана не зажила до самой его смерти.

Григорий Александрович жил в Москве у приятеля своего покойного отца и соседа по имению в Смоленской губернии, Ивана Дементьевича Курганова.

Иван Дементьевич состоял главноуправляющим графини Анны Ивановны Нелидовой, известной московской аристократки — статс-дамы императрицы Елизаветы Петровны, лично известной царствующей государыне.

На поклон к Анне Ивановне ездили все московские власти и вся московская знать.

Управление многочисленными имениями, рассыпанными в плодороднейших губерниях России, в которых были младшие управляющие, сосредоточивалось в главной конторе графини, во главе которой стоял Иван Дементьевич.

Это был высокий, худой старик, всегда с чисто выбритым лицом и с открытым взглядом добрых, честных, голубых глаз, до старости не потерявших своего юношеского блеска.

Он был вдовец и жил со своей единственной дочерью Настей, хорошенькой блондинкой, с золотисто-льняными волосами, но каким-то не детским — ей шел пятнадцатый год — вдумчивым выражением милovidного личика, в одном из обширных флигелей дома графини на Поварской улице, близ Арбатских ворот.

Дом этот, один из немногих сохранившихся до сих пор в Москве в своем прежнем виде, был построен полукругом в глубине обширного двора, огражденного с улицы массивной чугунной решеткой с двумя воротами, украшенными традиционными львами, со всеми причудами теперь, увы, отжившего барства.

Два флигеля своим фасадом выходили на улицу: в правом помещались контора и людская, а в левом жил главный управляющий Иван Дементьевич Курганов.

Оба флигеля были соединены с главным домом крытыми теплыми галереями.

Товарищи юности, Иван Дементьевич и старик Потемкин, сохраняли, несмотря на разность житейских дорог, положения и состояний, самые искренние дружеские отношения до самой смерти последнего.

Когда мать Потемкина, Дарья Васильевна, привезла сына в Москву и посетила с ним приятеля своего покойного мужа, то последний сам предложил ей поместить Грица — так звали мальчика в родительском доме — у него, не позволив, конечно, даже заикнуться о каком-нибудь вознаграждении.

Дарья Васильевна со слезами на глазах бросилась обнимать своего благодетеля и уехала в свое имение совершенно успокоенная за судьбу своего единственного детища.

Она и не предчувствовала, что в этом доме случится с сыном эпизод, который отразится на всей его жизни, что здесь он утратит навсегда свое личное счастье, чтобы принести его в жертву величии государства, что отсюда он выйдет, как это ни странно, несчастным «баловнем счастья».

Гриц, которому шел в это время шестнадцатый год, скоро освоился в чужом доме: подружился с четырнадцатилетней Настей, сумел привязать к себе Ивана Дементьевича и сделался в доме, как родной.

Красивый, стройный, остроумный, веселый, он с самой ранней юности умел нравиться людям и привязывать их к себе своим

добродушным, откровенным характером.

С Настей он скоро стал на «ты», и между ними возникло чисто братское чувство, которое, подобно тихому ручейку, освещенному полуденным солнцем, мирно катит свои чистые, как кристалл, воды не только без бурь, но даже без малейшей зыби.

Жизнь флигеля шла совершенно отдельно от жизни главного дома графини, и связующим звеном, кроме чисто деловых сношений Ивана Дементьевича с «ее сиятельством», была племянница графини, дочь ее брата, княжна Зинаида Сергеевна Несвицкая, ровесница Насти и большая ее приятельница, часто забегавшая во флигель и по целым часам без умолку болтавшая со своей подругой.

Эта дружба завязалась и продолжалась без ведома старой графини, жившей в главном доме со своей дочерью, молодой графиней Клавдией Афанасьевой, которой в момент нашего рассказа уже исполнилось восемнадцать лет.

VI

СТАРАЯ ГРАФИНЯ

Жизнь графини Анны Ивановны Нелидовой была даже для тогдашней, полной всевозможного рода причудниками и причудницами, Москвы предметом толков и удивления.

Огромный дом был переполнен приживалками, число которых с прислугой доходило до ста пятидесяти человек.

Парадных комнат было множество, но Анна Ивановна почти никогда не выходила из своих внутренних апартаментов.

Более всего поражала комната, где она спала: она никогда не ложилась в постель и не употребляла ни постельного белья, ни одеяла.

Она не выносила никакого движения около себя, не терпела шума, почему все люди ходили в чулках и башмаках в ее присутствии говорили шепотом.

Без доклада к ней никто никогда не входил.

Чтобы принять кого-нибудь, соблюдалась тысяча церемоний, и нередко желавшие видеть ее ожидали приема по несколько часов.

В официантской сидело постоянно 12 официантов; на кухне было четырнадцать поваров и огонь никогда не гасился, так как Анне Ивановне приходила фантазия спросить чего-нибудь закусить не в назначенный час, и это случалось зачастую ночью; для обедов и завтраков, у нее, как и для сна, не было положенных часов.

Все делалось по капризу, по первому требованию ее сиятельства.

Комната, где она постоянно находилась, была обита малиновым штофом.

Посредине было сделано возвышение, на котором стояла кушетка под балдахин, от кушетки полукругом с каждой стороны стояло по шести ваз из великолепного белого мрамора самой тонкой работы, и в них горели лампы.

Эффект, производимый всей этой обстановкой, был поразителен.

В этой комнате Анна Ивановна совершала свой туалет, также необыкновенным способом.

Перед ней стояли шесть девушек, кроме тех, которые ее

причесывали; на всех них были надеты принадлежности туалета ее сиятельства.

Графиня ничего не надевала того, что не было согрето предварительно живой теплотой.

Для этого выбирались красивые девушки от 16 до 20 лет; после двадцати лет их назначали на другие должности.

Даже место в карете, перед тем как ей выехать, согревалось тем же способом, и для этого в доме содержалась очень толстая немка, которая за полчаса до выезда садилась в карете на то место, которое потом должна была занять графиня.

Пока она выезжала, немка нагревала место на креслах, в которых Анна Ивановна всегда сидела.

Спала графиня на кушетке, на которой расстилалось что-нибудь меховое, и покрывалась она каким-нибудь салопом или шалью.

На ночь она не только никогда не раздевалась, но совершала даже другой туалет, не менее нарядный, чем дневной, и с такими же церемониями.

Надевался обыкновенно белый пеньюар, вышитый или с кружевами, на шелковом цветном чехле, затем пышный чепчик с бантами, шелковые чулки, непременно телесного цвета, и белые башмаки с лентами, которые завязывались, а бантики тщательно расправлялись, как будто бы графиня ехала на какой-нибудь бал.

В таком пышном туалете графиня опускалась на кушетку и никогда не оставалась одна.

При ней было до сорока избранных женщин и девушек разного возраста, которые поочередно должны были находиться в ее комнате.

На ночь в комнату ее сиятельства вносились диваны, на которых помещались дежурные.

Они должны были сидеть всю ночь и непременно говорить вполголоса.

Под их говор и шепот дремала причудница, и если только они умолкали, она тотчас просыпалась.

Стол ее был не менее прихотлив, как все остальное, и накрывали каждый день на сорок персон.

Сама она обедала с дочерью и племянницей за особым столом, к которому приглашались только избранные, а зачастую даже в своей комнате, куда вносился уже накрытый стол на шесть персон, так как она

требовала около себя абсолютной тишины и спокойствия.

Она не хотела знать никакой заботы, никакого горя, и когда ее второй сын Михаил был убит на дуэли, ей решились сказать об этом только год спустя.

Старший сын ее, Николай, пропал без вести, уехав за границу.

Все доходы с имений привозились и сдавались Ивану Дементьевичу. В одной из комнат конторы стоял комод, куда ссыпались деньги по ящикам, по качеству монеты, и сам Иван Дементьевич хорошенько не знал, сколько ссыпалось и сколько расходовалось.

Дело велось по простоте, без книг и двойных и тройных бухгалтерий.

В доме было так много всевозможных редкостей, что комнаты были похожи на магазин.

Одних платьев счетом было пять тысяч.

Для них велась особенная книга, с приложением образчиков, по которым графиня назначала, какое платье желала надеть.

Два сундука были наполнены самыми редкими кружевами, ценностью до ста тысяч рублей.

Целая комната была занята разными дорогими мехами, привезенными, как говорили, из Сибири.

Графиня страшно любила наряжаться, покупала очень много по магазинам.

Когда ей нравились какие-нибудь материи, то она покупала кусками, чтобы у других не было подобных.

Рожденная княжна Несвицкая, она вышла замуж поздно — под сорок лет: так долго не могла она найти себе человека по сердцу.

Граф Афанасий Григорьевич Нелидов прожил с ней не более десяти лет и умер от ожирения сердца, оставив ей по завещанию все свое громадное состояние, которое, в соединении с огромным приданым графини, и составило то колоссальное богатство, которое считалось первым даже в Москве, тогда городе невероятных богачей.

Дочь графини Анны Ивановны, Клавдия Афанасьевна, была сильная брюнетка и резкими чертами восточного типа лица напоминала свою мать.

Те же злые глаза, те же надменно сложенные губы, тот же прямой нос с горбинкой и низкий лоб.

Ни она, ни мать в молодости не были красивыми, они обе брали

фигурой, сложением и посадкой.

Когда графине Клавдии или «Клодине», как звала ее графиня Анна Ивановна, было тринадцать лет, в доме ее матери появилась княжна Зина, десятилетняя девочка, дочь покойного младшего брата графини, князя Сергея Несвицкого, умершего молодым вдовцом.

Сначала девочки жили дружно, но это продолжалось каких-нибудь два-три года, пока еще не успел окончательно сложиться властный и эгоистичный характер молодой графини.

Княжна Зинаида, гордая от природы, не дала себя совершенно подчинить своей взрослой кузине, и они разошлись, одна с затаенным злобным чувством, другая — найдя себе утешение в дружбе с Настей Кургановой.

Годы шли; все хорошеющая княжна Зинаида Сергеевна возбуждала все большую и большую ненависть со стороны своей двоюродной сестры, пока, наконец, не случилось обстоятельство, доведшее это «родственное чувство» до своего апогея.

Но не будем забегать вперед.

Молоденькая Настя успела заинтересовать свою подругу рассказами о появившемся в доме мальчике Грице, который с годами делался стройным, красивым молодым человеком.

Детские игры и забавы с летами привели к другому чувству, заставившему юные сердца товарищей детства, как это бывает всегда, забиться сильнее и тревожнее.

Княжне Зинаиде шел в то время восемнадцатый, а Потемкину двадцать первый год.

Молодые люди влюбились друг в друга.

В это же время в доме графини Нелидовой появилось новое лицо.

Это был князь Андрей Павлович Святозаров, прибывший из Петербурга, где он играл довольно значительную роль при дворе императрицы Елизаветы Петровны.

Он приехал в отпуск повидаться с родными, безвыездно жившими в Москве и входившими в тот высокий круг московского высшего общества, в котором вращались графиня Нелидова и ее дочь.

Князю было лет тридцать пять. Он шел по статской службе и метил в сенаторы или министры.

О его выдающихся способностях государственного человека говорили с полным убеждением в компетентных правительственных

сферах.

Он стоял во главе одного из административных учреждений столицы, был на виду, но был холост.

Петербургские маменьки уже целые годы устраивали безуспешно облаву на выгодного жениха, желая доставить своим дочкам блестящую партию.

Появление его в Москве, хотя и на время, вселило сладкие надежды в московских матерях взрослых дочек.

Графиня Анна Ивановна тоже наметила князя в женихи своей Клодин, а последняя, кроме того, без ума влюбилась в петербургского гостя.

На московских балах и «soirees dansante» князь был видимо увлечен величественной фигурой молодой графини Нелидовой, ее восточным типом и огненным взглядом черных глаз.

Он стал усиленно ухаживать за ней и сделал визит в дом графини.

Этот визит изменил его намерения.

Совершенная противоположность молодой графини, которой уже было за двадцать, ее двоюродная сестра княжна Зинаида, восемнадцатилетняя блондинка, с выражением лица гетевской Гретхен, положительно заполонила сердце уже пожившего и избалованного женщинами князя, и он круто повернул в ее сторону.

Совершилась безмолвная драма.

Гордая графиня Клодина заметила перемену в князе и, затаив в сердце злобу и ненависть к неожиданной сопернице, первая отстранила от себя намеченного ее матерью и избранного ею жениха, объявив матери, что не любит его и не может сделаться его женой.

— Не перестарок же я какой-нибудь, что вы хотите сбить меня с рук, тапан,— заметила она.— Князь, кажется, к тому же совершенно растаял от прелестей Зинаиды,— язвительно заметила она.— Ему она как раз под пару, покорная овечка, да и вам, тапан, сбить ее с рук чем скорее, тем, думаю, лучше...

Графиня Анна Ивановна удивленно вскинула глаза на свою дочь, так как, вместе с другими свидетелями ухаживания князя на балах и вечерах за ее дочерью, думала, что последняя не прочь сделаться из фрейлин статс-дамой и переехать в Петербург уже княгиней Святозаровой.

Она прочла на лице графини Клодины серьезное решение.

— Как хочешь, та shere, я тебя не неволю, ты ведь мне не

мешаешь...— ответила старуха.

Князь Святозаров обратился таким образом из жениха Клавдии Афанасьевны в жениха Зинаиды Сергеевны.

Последняя, влюбленная в Потемкина, далеко не старалась увлечь блестящего жениха, что еще более раззадоривало последнего.

Он сделал предложение старой графине, и та, после переданного уже нами разговора со своею дочерью, дала свое согласие.

— Я поговорю с ней... и думаю, что это уладится,— сказала она восхищенному князю.

VII

ПО МОНАСТЫРЯМ

Молодой Потемкин между тем в один прекрасный день признался Ивану Дементьевичу Курганову в своей любви к княжне Зинаиде Сергеевне.

Старик страшно взволновался:

— Вот глупости! Разве ты не знаешь, что княжна Несвицкая самая богатая невеста не только в Москве, но, пожалуй, и во всей России.

— Я это знаю,— отвечал Григорий Александрович,— но Зина любит меня.

— Почему ты это знаешь?

— Она сама мне это сказала.

Курганов окинул молодого человека строгим взглядом.

— Ты воспользовался тем, что моя дочь ее подруга, и увлек молоденькую девушку, почти ребенка, ты, еще сам мальчишка...

Григорий Александрович опустил голову.

— Если ты это сделал, то поступил более чем нехорошо... нечестно... Графиня Анна Ивановна, конечно, доверяя мне, смотрела сквозь пальцы на частые посещения моей квартиры ее племянницей... Ты сделал меня невольным нарушителем доверия ее сиятельства, ты, в благодарность за мою ласку, за любовь к тебе, как к сыну, опозорил мои седины.

— Иван Дементьевич, Иван Дементьевич...— бормотал смущенный юноша.

— Я хочу все знать... Говори...

Молодой человек рассказал ему в подробности весь свой роман с молодой княжной.

Курганов выходил из себя. Его чистой совести представлялось все это в мрачном виде, он все преувеличивал и продолжал волноваться.

Он позвал свою дочь и стал упрекать ее в пособничестве этому «позорному делу» — его подлинное выражение.

Настя плакала и уверяла отца, что она не имела никаких дурных намерений, что ничего дурного не случилось.

Старик несколько успокоился, убедившись на самом деле, что происшедший под его кровлей роман двух молодых людей остался на почве чистого чувства.

— Честь и дочь — мои главные сокровища,— сказал Иван Дементьевич, обращаясь к молодому Потемкину.— Ты поступил непорядочно, хотя я убежден, что не умышленно... Ты говорил ей о любви и нарушил ее сердечный покой, и за это ты должен быть наказан. Как?.. Чтобы меня и мою дочь обвинили в пособничестве к ловле богатой невесты для сына моего друга... Одна эта мысль ужасает меня! Что подумает обо мне ее сиятельство! Она может потребовать от меня отчета... Ты понимаешь это, Гриц, сознаешь ты свою опрометчивость?

Потемкин стоял понуря голову.

— Ты можешь это поправить только тем, что более не увидишься с княжной.

Григорий Александрович тяжело вздохнул.

— Ты вздыхаешь, ты страдаешь при этой мысли,— продолжал старик,— но подумай только, как бессмысленна твоя любовь. Княжна Несвицкая — богачка, никогда не может быть твоей женой, женой теперь еще школьника, а впоследствии, в лучшем случае, гвардейского офицера с несколькими десятками душ за душою... Будь благодарен... Соберись с силами, будь честен и забудь...

— Но она?! — воскликнул с болью в голосе молодой человек.

— Она выйдет замуж за князя Святозарова... Он сделал ей предложение... Говорят, он так же богат, как и она...

Григорий Александрович зарыдал как ребенок, закрыв лицо руками.

— Несчастный, как он ее любит! — пробормотал Иван Дементьевич.

Григорий Александрович на другой же день рано утром ушел из дома и вернулся только поздно вечером.

Такую жизнь он повел изо дня в день.

Княжна, конечно, узнала о странном поведении молодого человека.

Настя сочинила ей целую историю, что Потемкин решил теперь жить только для науки, что он сам недавно назвал будто бы свое увлечение княжной детской шалостью, согласившись с ее отцом, считавшим это чувство одной глупостью, а потому и избегает ее.

Княжна была поражена, неутешна, но, увы, не отступалась от своего чувства.

Настасья Ивановна, между прочим, передала своей подруге и

сущность разговора ее отца с Григорием Александровичем, и княжна почувствовала себя оскорбленной.

С ее сердцем, с ее чувством, значит, только играли?

Она горько оплакивала свою потерянную иллюзию и разбитые мечты.

В это-то время ее позвала к себе графиня Анна Ивановна, которая передала ей о предложении, сделанном князем Святозаровым.

— Я уже выразила согласие... Надеюсь, что ты не пойдешь против моей воли, я тебе заменила отца и мать,— заметила графиня.

Княжна согласилась.

Князь был красив, знатен, ласков, может быть, только немного серьезен для такой молодой девушки.

Княжна чувствовала к нему симпатию и сказала себе:

— Я его могу полюбить!

Этой любовью к мужу она хотела вылечить рану своего молодого сердца.

Свадьбой не замедлили. Она была роскошна. Вся титулованная, сановная Москва присутствовала на ней. Молодые, сделав установленные визиты, через несколько дней уехали в Петербург.

Григорий Александрович Потемкин по-прежнему вел образ жизни, о котором народ очень метко замечает: «одна заря вгонит, другая выгонит».

Домашние его почти не видали и не знали, где он проводит дни. Иван Дементьевич находил нужным дать свободу молодому человеку.

«Пусть забудется... даже покутит малость... Эта встряска только для него полезна...» — думал старик.

Потемкин, однако, и не думал кутить.

Он бросился в другую сторону и целые дни, не посещая классов, проводил в монастырских церквях.

Усердная и продолжительная молитва юноши обратила на него внимание монахов, с которыми он вскоре свел знакомство и стал проводить время в их кельях, за беседой на тему о суете мирской жизни.

Полученное первоначальное воспитание в смоленской семинарии сближало его с лицами духовного звания.

Он нашел среди них себе покровителей, которые поддержали появившуюся в голове молодого человека мысль идти в монахи.

Последовавшее исключение Потемкина из гимназии еще более

укрепило его в этом намерении. Свадьба княжны Несвицкой с князем Святозаровым окончательно подвинула его на этот решительный шаг.

Но для поступления в монашество необходимо было заручиться рекомендацией кого-нибудь из лиц высшего духовенства.

В это время в Москве славился умом и подвижничеством жизнью архиерей Амвросий Зертис-Каменский, впоследствии известный архиепископ московский и калужский.

Об искреннем желании юноши Потемкина было доложено его преосвященству покровителем молодого человека, монахом Чудова монастыря.

Его преосвященство пожелал увидеть будущего инока и подвижника, как говорил о нем докладчик.

С трепетом сердца вступил Григорий Александрович в архиерейские покои и остался ждать в приемной, пока служка пошел докладывать о прибывшем его преосвященству.

Много дум пронеслось в голове молодого человека, много ощущений испытал он за те десять—пятнадцать минут, которые он провел в приемной Амвросия.

Служка вернулся и попросил Потемкина следовать за ним.

Пройдя еще две комнаты, он отворил дверь и пропустил в нее Григория Александровича.

Молодой человек очутился в образной архиерея.

Это была довольно обширная комната, две стены которой были сплошь увешаны иконами старинного художественного письма, некоторые в драгоценных окладах, а некоторые без всяких украшений, внушающими своей величественной простотой еще более благоговейные чувства... Двенадцать лампад слабым мерцанием освещали комнату, борясь со светом дня, проникавшим в узкие готические окна.

На высоком кресле в черном камлотовом подряснике сидел почтенный старец, перебирая правой рукой надетые на левой кипарисовые четки.

Покрытый клеенкою войлок пола заглушал шаги.

Все в этом уголке молитв московского иерарха располагало к молитвенному настроению.

— Подойди сюда, сын мой Григорий! — раздался грудной, проникающий в душу голос Амвросия.

Потемкин приблизился и с благоговением и каким-то душевным трепетом поцеловал благословившую его руку чудного старца.

Архиерей долгим пронизательным взором обвел стройного красивого юношу, казалось, созданного для счастья, любви и беззаботной жизни шумной молодости, и кротко улыбнулся углом рта.

Быть может, и в голове сурового по жизни монаха промелькнула именно эта мысль и он не мог представить себе этого полного жизни красавца в подряснике послушника, отрекающегося от этой еще неизведанной им жизни.

— В монахи, слышал, хочешь? — спросил его преосвященство.

— Имею искреннее желание, ваше преосвященство...— отвечал хорошо заученной формулой ответов Григорий Александрович.

— А давно ли это у тебя искреннее желание и почему явилось оно? — спросил, после некоторой паузы, пристально смотря прямо в глаза гостя, Амвросий.

— С малолетства...— отвечал заученной фразой Потемкин и опустил глаза, не вынося проникающего в душу взгляда старца.

— Ой ли, с малолетства... Что же, родители избидели?..

— Никак нет-с...

— Так с чего... Ты мне, молодец, признавайся, как на духу... Между мной и тобой только Бог...

Он снова уставил свой взгляд на Потемкина.

Тот невольно опустил на колени у ног епископа и зарыдал так же, как зарыдал, когда Иван Дементьевич запретил ему видеться с княжной.

— Говори! — заметил Амвросий, дав ему выплакаться.

Григорий Александрович, прерывая свою речь всхлипыванием, откровенно и подробно рассказал весь свой роман с княжной Несвицкой, решение приютившего его Курганова, свадьбу княжны и свое исключение из гимназии...

— С этого-то ты и захотел в монахи? — снова углом рта улыбнулся архиерей.— Отречься задумал от жизни, еще не жив... Думаешь, молиться-то легче, чем учиться или служить... Нет, брат, нелегко это, коли по-настоящему, а не по-настоящему совсем не надо, потому грех еще больший... больший... Бога ты не обманешь... Ты, чай, в службу записан?..

Григорий Александрович отвечал, не скрыв и получение чина капрала.

— Видишь, тебя наша матушка-царица еще малышом уже пожаловала, а ты от службы увильнуть хочешь на монастырские хлеба... Ловок, я вижу, ты, брат... Вот тебе мой отеческий совет... Поезжай-ка ты в Питер да послужи-ка верой и правдой нашей милостивице, благоверной государыне... Коли годов через десять сохранишь желание в монахи идти — иди, а теперь нет тебе моего благословения...

Потемкин все еще продолжал стоять на коленях, понутив голову.

— Встань,— сказал архипастырь.

Амвросий тоже встал и подошел к вделанному в стене шкафу, отпер его и, вынув пачку денег, подал ее Григорию Александровичу.

— Здесь пятьсот рублей тебе на дорогу и на первое время... Поезжай и служи...

Григорий Александрович дрожащей рукой взял деньги.

Амвросий благословил его. Молодой человек облил руку старца слезами благодарности. Он вышел от него обновленный.

На другой же день он уехал в Петербург, простившись с Кургановым и не скрыв от него ничего.

Матери он тоже написал откровенное письмо.

VIII

ПЕРВЫЙ ЛУЧ И ПЕРВЫЙ ЯД

Прибыв в Петербург, Григорий Александрович без всяких препятствий был зачислен в действительную службу вахмистром лейб-гвардии конного полка.

Это было в половине 1761 года, последнего года царствования императрицы Елизаветы Петровны, умершей внезапно 25 декабря 1761 года.

Полковая служба вскоре его сблизила со всею лучшею петербургскою молодежью.

Он сделался одним из горячих приверженцев великой княгини Екатерины Алексеевны.

Непродолжительно было царствование Петра III, вступившего на престол после смерти Елизаветы Петровны.

Наступило 28 июня 1762 года — день государственного переворота, доставившего корону Екатерине II.

В числе окружавших в Петербурге молодую государыню представителей гвардии находился и вахмистр Потемкин.

Принимая присягу в верности от гвардии, императрица подъехала верхом к конногвардейскому полку и обнажила шпагу.

Вдруг она увидала, что на ней нет темляка, и смутилась. Начальство полка заметило это смущение и растерялось.

Григорий Александрович, не сводивший глаз с обожаемой всею молодежью того времени государыни, первый заметил это и, подскакав к смутившейся императрице, сорвал со своего палаша темляк и поднес его стоявшей перед полком с обнаженной шпагой Екатерине.

Государыня милостиво приняла услугу догадливого вахмистра и подарила его благосклонной улыбкой. Императрицу поразили находчивость и присутствие духа молодого красавца.

Потемкин уже намеревался отъехать к своему месту, но лошадь его, привыкшая к эскадронному ученью, остановилась подле лошади императрицы и не слушая ни шпор, ни усилий всадника, стояла как вкопанная.

— Как вас зовут? — обратилась к сконфуженному вахмистру императрица, желая ободрить его.

— Вахмистр Григорий Потемкин, ваше императорское величество, — отвечал Григорий Александрович.

— Откуда вы родом?

— Дворянин Смоленской губернии, ваше императорское величество!

— Давно на службе?..

— Второй год, ваше императорское величество!

— Не тяжела служба?

— Теперь, когда жизнь каждого из нас посвящена вашему императорскому величеству, — легка...

— Хорошо сказано, господин подпоручик Потемкин... — отвечала государыня.

Таким образом Григорий Александрович был произведен в подпоручики.

Через несколько дней ему было, кроме того, пожаловано шестьсот душ крестьян.

Первый луч яркого солнца счастья блеснул на него.

Набожный юноша всецело приписал это благословению архиерея Амвросия и деньгам, данным ему московским иерархом.

В нем заговорило честолюбие, и в этом чувстве ему захотелось утопить оскорбленное чувство первой любви.

Снова, как во дни раннего детства, в его голове застыла мысль: «Хочу быть министром».

Эта новая, созданная им цель его жизни, казалось, успокоила его. Его мысли перестали нестись к дому на набережной Фонтанки, где жили князь и княгиня Святозаровы.

Последние жили очень замкнуто, и Григорий Александрович в течение проведенного в Петербурге года ни разу не встречался со своим прежним кумиром.

Светские петербургские сплетни, однако, не миновали его ушей и глубоко огорчали его.

В петербургском свете говорили, что брак Святозаровых нельзя отнести к разряду счастливых, что супруги не сошлись характерами и ведут жизнь далеко не дружную.

К несчастью, в этих толках было более правды, чем это бывает

обыкновенно.

Княжна Зинаида Сергеевна, выйдя замуж лишь с надеждой полюбить своего мужа и этой любовью заглушить первое чувство, не нашла поддержки своим стараниям в князе Святозарове.

Молодой муж не понял ее.

Он чувствовал только, что его жена не принадлежит ему всецело и вместо того, чтобы стараться привлечь ее к себе ласкою, он стал ревновать к прошедшему, сделался недоверчивым и угрюмым.

Он совершенно перестал улыбаться, молчал и окончательно удалился от общества, принудив к этому и жену. К каждому шагу, к каждому движению княгини он стал относиться с предубеждением.

Сам, быть может, не сознавая того, он сделался тираном.

Молодую княгиню это еще более оттолкнуло от мужа.

Через одиннадцать месяцев после свадьбы княгиня подарила мужа сыном.

Князь был на седьмом небе.

Можно было подумать, что он переродился, но, увы, не в пользу жены,— ее он как бы даже не замечал.

Какая-то непонятная отцовская любовь поглощала его всецело.

У него была одна цель в жизни — его сын Василий.

Он окружил его всеми возможными роскошью и удобствами, он расточал ему свои ласки, об нем только и заботился, об нем только и говорил, ему он только и улыбался.

Его друзья и сослуживцы смеялись над ним и говорили, что ему недостает только одного для полнейшего счастья: что он не может кормить сам грудью своего сына.

Княгиня была удалена от сына, она видела его только изредка. К нему приставили кормилицу.

Казалось, князь хотел быть один любимым своим сыном.

Когда мать брала его на руки, он выходил из себя и кричал с беспокойством:

— Оставь, оставь, ты делаешь ему больно!

Он запретил ей даже целовать своего ребенка.

Княгиня покорно переносила весь этот ад семейного очага, эту полную невыносимость мук жизни в золоченой клетке, но все же чувствуя свое одиночество, свою незащищенность от домашнего тирана, она искала хоть кого-нибудь, кому бы могла излить свою наболевшую

душу, и нашла...

В несчастной княгине приняла участие ее двоюродная сестра Клавдия Афанасьевна.

Надо заметить, что молодая графиня Нелидова недолго после свадьбы Зинаиды Сергеевны оставалась в девушках.

Она вскоре вышла замуж за графа Петра Антоновича Переметьева, старика лет под шестьдесят, годившегося ей не только в отцы, но, пожалуй, в дедушки.

Этот неравный брак наделал большого шума в Москве и был толкуем на разные лады в московском высшем обществе.

Цель графини Клодины была достигнута, она переехала с мужем в Петербург и, также как княгиня Святозарова, сделалась статс-дамой при дворе императрицы.

Она-то и приняла участие в своей кухне и выказала ей горячую привязанность.

Зинаида Сергеевна верила в эту запоздалую дружбу и платила ей искренней взаимностью.

Доверчивая и честная по натуре, она и не подозревала, что ее двоюродная сестра играет комедию и с адским расчетом ловко строит ей роковую западню.

Графиня Клодина поклялась отомстить за отбитого у ней жениха, князя Святозарова, и выжидала.

Какое мщение задумала она?

Она хотела во что бы то ни стало, совершенно разбить их семейную жизнь и самой явиться в роли утешительницы князя Андрея Павловича, которого она не могла разлюбить до сих пор, но чувство к которому тщательно скрывала в тайнике своего сердца.

Она не была из разборчивых в средствах для достижения своей цели. Она бы ни на минуту не задумалась сделаться любовницей князя Святозарова, лишь бы доставить огорчение его жене, ее счастливой сопернице.

Этой-то предательнице и доверилась молодая княгиня.

Окончательное охлаждение, происшедшее между супругами после рождения сына, было на руку светской интриганке.

Она воспользовалась невинными признаниями своей кухни, чтобы разжечь ревность князя Святозарова.

Вскоре она узнала всю тайну княгини Зинаиды Сергеевны.

Она любила молодого Потемкина и до сих пор не забыла его.

На этом графиня Клодина построила свой гнусный план. Она знала, что молодой Потемкин в Петербурге.

Слух о происшедшем в Петергофе стал быстро известен в высшем свете. Вскоре она устроила, что молодой Потемкин был ей представлен и сделал визит. Его пригласили вечером на маленький *soirée*. Графиня привезла почти насильно к себе и княгиню Святозарову.

Так состоялась неожиданная для обоих встреча.

Графиня Клодина следила за ними во все глаза. Это было в гостинной. Она видела, как они оба смутились и растерялись. Княгиня побледнела при виде молодого офицера и, едва поклонившись, вышла в другую комнату.

Потемкин посмотрел ей вслед и отошел к окну, чтобы скрыть взволновавшие его чувства.

Графиня Клодина все это заметила и осталась довольна.

— Они до сих пор любят друг друга,— сказала она себе.— Дело теперь только в том, чтобы раздуть огонь.

В это время в зале начались танцы.

Графиня подошла к Григорию Александровичу.

— Как вы задумчивы? — сказала она.— Почему вы не танцуете.

— Я никогда не танцую! — отвечал он печально.

— Это теперь говорят все молодые люди... Какие скучные делаются мужчины... Неразговорчивые, серьезные...

— Но если уж дан от Бога серьезный характер.

— Как у вас?

— Да.

— Тогда надо позволить развеселить себя такому капризному существу, как я... Мы ведь с вами старые знакомые, жили когда-то под одной кровлей, хотя виделись довольно редко... Так прочь скуку... Я готова побиться об заклад, что знаю причину ее.

Потемкин побледнел.

— Садитесь здесь со мной. Тут нам никто не помешает, и поговорим о вашем, данном от Бога, серьезном характере. Мне сдается, что он явился у вас не особенно давно.

— Вы думаете?

— Да, и знаю даже, с какого времени...

— Вот как!

— С тех пор, как княжна Зина вышла замуж.

Григорий Александрович вскочил, как ужаленный.

— Что вы... говорите... — начал он, задыхаясь.

— Тише, тише... — засмеялась она. — Я читаю в вашем сердце, как в раскрытой книге. Вы все еще ее любите.

Он схватил ее за руку.

— Ради бога, замолчите! — бормотал он.

— Кто же нас слышит? И ее ведь здесь нет, она в зале...

— Все равно... если бы вы знали...

— Что?

— Я чувствую, что не могу совладеть с собой... О, говорите, как вы могли узнать тайну, которую я сам от себя скрывал... Может быть, она сама вам сказала?..

— Несчастливая Зина ничего не говорила мне... Я просто догадалась...

— Вы называли ее несчастною?..

— Да, она несчастлива.

— Разве князь...

— Князь обожает ее... Но она его не любит...

— Она его не любит?!

— Она не может любить, потому что ее сердце принадлежит вам, потому что она осталась верной своей первой любви...

— О, замолчите, замолчите...

— Почему? Разве я говорю неправду, разве вы сами не заметили, как она побледнела, встретившись с вами, как она задрожала, кланяясь вам...

— Мне показалось, что она хотела избежать этой встречи.

— Конечно, при такой массе свидетелей она должна была бояться выдать себя.

Григорий Александрович задыхался от волнения.

Графиня Клодина положительно пожирала его глазами.

— Я люблю Зину и страдаю с ней вместе. Я бы так хотела видеть ее счастливой... Зачем вы не женились на ней?

— Я не смел об этом и думать...

— Жаль, что я не знала об этом ранее... Зина была бы теперь вашей счастливой женой.

IX

ЗМЕЯ

— Теперь я все понимаю! — продолжала коварная женщина.— Иван Дементьевич своим самолюбием и своей гордостью погубил две жизни... Он разлучил вас с Зиной и разбил вашу университетскую карьеру... В это время князь сделал предложение... Вы, быть может, не знаете, что сначала она отказала... Она, наверное, ждала... вас... Но, так как вы скрывались от нее, она с отчаяния послушалась совета моей матери... Она, конечно, подумала, что вы никогда не любили ее.

— Бедная княгиня! — вздохнул Потемкин.— Она презирает меня теперь, ненавидит, быть может...

— О, я могу поклясться, что тот поцелуй, которым она подарила меня, предназначался для вас.

Григорий Александрович сомнительно покачал головой:

— Нет, нет, все кончено! Она жена другого... О, если бы я смел с ней поговорить, если бы я мог ей сказать...

— Что вы все еще ее любите?

— Нет, это было бы для нее оскорбительно... но я хотел бы объяснить ей свое поведение в Москве...

— Что же вас удерживает?

— Она не захочет меня выслушать...

— В ее будуаре, может быть,— нет... Но здесь у меня...

— За такое счастье я отдал бы всю жизнь! — сказал он дрожащим голосом.

Глаза графини Клодины блеснули:

— Это я вам устрою... Необходимо, действительно, чтобы вы оба объяснились. Это будет для нее утешением, а для вас облегчением...

— Как вы добры.

— Хорошо, хорошо, вы меня поблагодарите после...

В это время в гостиную вошла княгиня Зинаида Сергеевна.

Графиня Клодина пошла ей навстречу, между тем взгляды княгини и Григория Александровича, продолжавшего стоять на том же месте, встретились.

Казалось, это были две встретившиеся молнии.

Княгиню поразила необыкновенная бледность молодого человека.

Ее сердце наполнилось жалостью.

Сославшись на головную боль, она простилась с хозяйкой, которая успела шепнуть ей:

— Я буду у тебя завтра... Мне надо многое сказать тебе...

Княгиня вспыхнула. Она прочитала на губах подруги готовое с них сорваться имя Потемкина.

— Ты всегда моя желанная гостья...— с трудом проговорила она.

Подруги расцеловались.

— Так до завтра! — шепнула княгиня.

— Да.

Княгиня уехала.

Вскоре откланялся хозяину и хозяйке и Григорий Александрович.

На другой день, часов около трех, графиня Клодина уже была в будуаре княгини Святозаровой.

Последняя ожидала ее с нетерпением.

— Твои вчерашние слова, милая Клодина, ужасно беспокоили меня,— начала княгиня Зинаида, когда подруга удобно уселась в кресле.

— Я продумала о них всю ночь... У тебя есть, верно, передать мне что-нибудь очень важное?

— Это зависит от того, как ты на это взглянешь... Дело идет о сохранении твоего спокойствия, даже о предупреждении опасности.

— Опасности! Ты меня пугаешь...

— Ты доверила мне часть своей тайны, милая Зина, но сказала, с понятной сдержанностью, не все... Но настоящая дружба проникательна... Ты простишь меня, если я тебе скажу, что я все узнала.

— Все узнала! — воскликнула, дрожа, княгиня.

— Да, вчера я еще сомневалась, но твое смущение вечером мне все открыло.

Княгиня опустила голову.

— Но это не та опасность, о которой я говорю,— продолжала великосветская змея.— Главная опасность заключается в его любви к тебе... в любви безумной...

Княгиня радостно улыбнулась.

— Ты думаешь? — спросила она.